

Лев Заборовский (Москва)

ПОСЛЕДНИЙ ШАНС УМИРО- ТВОРЕНИЯ: ПЕРЕГОВОРЫ Б. А. РЕПНИНА ВО ЛЬВОВЕ 1653 г.

Известно: войну легко начать, но трудно кончить. Русско-польский конфликт 1654–67 гг. является хорошим тому подтверждением. Но эту максиму понимали и современники. Именно потому поиски иных, мирных альтернатив решения накопившихся в ареале противоречий занимали видное место во внешнеполитических перипетиях предвоенной поры. Для дипломатии гетманата даже в послебатогский период данный вариант сохранял свою ценность по двум причинам¹. Во-первых, ясными стали негативные стороны пусть и необходимого союза с Крымским ханством (Жванец 1653 г. только подтвердил указанный факт), особенно в условиях постепенного истощения ресурсов Украины из-за долголетней тяжелой войны. Попытки в 1653 г. уменьшить негативные аспекты этого альянса, приняв номинально протекторат Османской империи, не принесли весомых результатов из-за тогдашней слабости последней. Во-вторых, очевидно было, что, несмотря на активные усилия гетманского руководства добиться скорого включения России в борьбу не удастся. Долгое время господствовавшее в советской историографии мнение, что после земского собора начала 1651 г. ее правители избрали именно такой путь, неосновательно. Для них подобное решение не было тогда желательным ни политически (в частности, из-за нестабильности отношений с Крымским ханством), ни с военной точки зрения: соответствующие приготовления именно с «западным» креном приобрели настоящий размах с 1653 г., особенно со второй его половины² и оказались незавершенными даже к началу боевых действий. Отсюда, в частности, настойчивые попытки царских дипломатов выступить в качестве посредников между Речью Посполитой и гетманатом для достижения мира.

Рассматриваемая акция 1653 г. принадлежит в этом ряду к числу масштабных, т. к. часть ее целей была предварительно согласована московским двором с чигиринским руководством. «Великое посольство» в Речь Посполитую запланировали не позже лета 1652 г., но только в декабре туда сообщили о его предстоящем приезде, а с января 1653 г. началась реальная подготовка³, протекавшая довольно неспешно, вероятно, из-за желания вначале довести до конца переговоры с

украинскими миссиями и в Чигирине. Не известно, входила ли в предварительную программу посольства идея медиации и не вполне ясно, кто был инициатором последней. В ряде сообщений, исходивших от Б. М. Хмельницкого и из Москвы, таковыми называли гетмана и его окружение⁴. Очевидно, данная тема возникла в ходе бесед в столице в конце 1652 — начале 1653 г. с казацкими посланцами, возглавляемыми С. Богдановичем (Зарудным), которые, судя по некоторым данным, просили о царском посредничестве на основе Зборовского договора 1649 г., но слабая сохранность соответствующих материалов не позволяет сделать четкие выводы⁵. Так или иначе, во время переговоров в Чигирине с посланниками Я. Н. Лихаревым и подъячим И. Фоминым вопрос подвергся основательному рассмотрению⁶. Украинская сторона выразила готовность к умиротворению, но не путем двусторонних переговоров, которые не обеспечивали надежного результата, а через российских великих послов, чтобы «договор учинить крепкой»⁷. Б. М. Хмельницкий заверил, что при успехе казачество будет в «послушании» у короля и «отстанет от бусурман», т. е. откажется от союза с Крымом и сближения с Османской империей. Последовало согласие на предложенную процедуру, по которой царским послам в качестве посредников надлежало представить властям Речи Посполитой и защищать казацкие просьбы касательно «веры, прав и вольностей», а условия соглашения должны были вырабатываться в результате польско-украинских обсуждений. Я. Н. Лихарев получил подлинные «статьи» предполагаемого договора «за... руками и за войсковою печатью», ориентированные на Зборовские условия (ни подлинник, ни копии документа не сохранились).

Не исключено, что с возвращением Я. Н. Лихарева и И. Фомина были связаны заседания боярской думы по украинской проблеме в марте 1653 г., когда, видимо, приняли предварительное решение о принятии гетманата под царскую власть, но краткость дошедших до нас известий не позволяет судить о всем комплексе намеченных тогда мер⁸. Окончательно программу посольства в Речь Посполитую выработали после приезда в Москву миссии во главе с К. Д. Бурляем и С. А. Мужилковским: 2 мая 1653 г. прошла первая беседа с ними, а 4-ым мая датирован наказ «великому посольству», возглавляемому Б. А. Репниным-Оболенским, Ф. Ф. Волконским (по болезни заменен Б. М. Хитрово) и дьяком А. И. Ивановым. Но судя по позднейшей отписке послов⁹ и материалам их переговоров во Львове, до отъезда из столицы 10 мая они получили еще «тайный наказ» (не дошел до наших дней). И в листе Б. М. Хмельницкого царю, и в высказываниях украинских посланцев в Москве отмечалось, что вместо обсуждений польская сторона открыла боевые действия на Украине (рейд С. По-

тоцкого в марте 1653 г.), поэтому перспективы мирных контактов оценивались скептически. Тем не менее, они подтвердили готовность к умиротворению при посредничестве царских послов по изложенной ранее программе¹⁰. Политика царского двора шла тогда в нескольких направлениях: очень интенсивными стали военные приготовления и действия по созыву Земского собора на начало июня¹¹. Одновременно завершались обсуждения с К. Д. Бурляем — С. А. Мужилловским, в конце мая они отправились на Украину вместе с миссией во главе с А. С. Матвеевым и подъячим И. Фоминым¹². Им надлежало сообщить о «великом посольстве», которому поручалось говорить с польско-литовской стороной о мире «накрепко», и о неизбежности войны при отклонении предложения.

Сколь важное значение придавали в Москве идее медиации, видно и из следующего: казацкие представители добивались пропуска в Швецию в сопровождении царского посланца, причем фактически речь шла о выяснении перспектив тройственного альянса против Речи Посполитой; предлагалось скоординировать их появление в столице на обратном пути с возвращением туда Б. А. Репнина, с тем чтобы правительство Алексея Михайловича могло принять свои решения на основе максимально полной информации. Однако просьбы были отклонены с указанием, что их поездка в Стокгольм несовместима с посреднической ролью России и окажется ненужной при достижении мира, а в противном случае может быть осуществлена позже (действительно, в 1654 г. украинское посольство пропустили в Швецию). Из задач, поставленных перед Б. А. Репниным «с товарищи», главными являлись две¹³. Первая — наказание лиц, виновных в искажениях царской титулатуры, нарушении «государевой чести», оскорблении достоинства России в официальной переписке, книгах и т. д. В историографии эти претензии нередко трактуются как не особо важные, скорее как предлог к войне и т. п. Думается, в подобных оценках имеется явный элемент модернизации. Для того (да и более позднего времени) вопросы титулования были важной проблемой межгосударственных отношений, острейшие споры и конфликты на данную тему стали неременной принадлежностью всеевропейской дипломатической практики. Тем большую значимость они имели для молодой династии, как Романовы, а в контактах с Речью Посполитой — в особенности. В наказе посольству: «и им во много лет научиться было мочно. А то знатно, что те королевского величества подданные писали в листех своих... на ссору...» Послам следовало заявить, что без удовлетворительного решения по этому пункту дальнейшие переговоры беспредметны, а также фактически пригрозить войной, но не идти дальше до получения дополнительных

указаний из Москвы. Показательно, что в наказе вычеркнута первоначально имевшаяся фраза: «А не соверша того большого дела, о иных с паны рады не говорити»¹⁴.

Действительно, в документе содержалась достаточно разработанная программа переговоров по второй главной задаче миссии Б. А. Репнина — решению «украинского вопроса». Излагались результаты русско-казацких обсуждений, вплоть до просьбы о посредничестве между противниками, и отмечалось, что царь дал на это свое согласие, дабы прекратить взаимное кровопролитие и не допустить перехода гетманата под контроль «бусурман» (как известно, подобные опасения имели в 1653 г. реальную основу). В предполагаемом договоре имелось в виду обеспечить права жителей Украины, прежде всего в религиозной сфере (этот аспект их жизни выдвигался в наказе на первый план), в максимальном варианте — на базе Зборовских условий. При несогласии польской стороны принять последний предусматривались дальнейшие прения между представителями Речи Посполитой и гетманата, либо на съезде трех делегаций¹⁵. На случай повторения прежних просьб казацких посланцев обеспечить прочность функционирования договора царской миссии разрешалось поддержать следующую их инициативу: контрагенты выдавали послам специальные письма, оставлявшие московскому двору свободу рук при нарушении одним из них согласованных постановлений. В документе имелось хотя и не прямое, но достаточно ясное предупреждение, что отказ властей Речи Посполитой от договора и дальнейшие религиозные преследования на Украине вызовут острую реакцию России. Ни в этом, ни в иных источниках нет подтверждений высказываемых иногда в историографии мнений о планируемой координации действий «великого посольства» и несколько позже отправленной в Польшу казацкой миссии во главе с А. Ждановичем.

В основном наказе отсутствует связь между рассмотренными двумя центральными сюжетами, однако материалы переговоров свидетельствуют, что она была затем намечена, очевидно, в недошедшем до нас тайном наказе, как и, по меньшей мере, еще один существенный пункт. Во время второго заседания делегаций 6 августа 1653 г., после того, как определилось, что представители Речи Посполитой отвергают возможность мирного соглашения с властями гетманата, царские послы, «поговоря меж себя тайно», сделали следующее компромиссное предложение¹⁶. Руководству страны предлагалось выполнить следующие условия: возвратить православным прежние права и отказаться от дальнейших преследований; передать им церкви, перешедшие к униатам, и ликвидировать унию во всем государстве в соответствии со Зборовскими условиями 1649 г., обеспечить религи-

озную свободу православным духовного и светского состояния; заключить с великими послами договор, гарантирующий твердое выполнение всех предшествующих пунктов; возвратить войско Запорожское (фактически имелась в виду Украина в целом) в прежнее подданство на базе тех же Зборовских постановлений. В таком случае московский двор соглашался отказаться от всех прежних претензий в вопросах царской титулатуры и т. п. (на будущее надлежало строжайше пресекать и наказывать нарушения подобного рода).

Более того, на третьей встрече, 8 августа, в ответ на продолжающиеся проявления непримиримости с польско-литовской стороны и желая приостановить поход коронных войск на Украину, послы пошли на новые уступки. Они заявили, что сделанное ими ранее заявление останется в силе и в том случае, если их оппоненты гарантируют выполнение и подтверждение сеймом Зборовских условий в сфере религии. Об остальных пунктах договора польская и украинская стороны должны были договариваться самостоятельно. При согласии «панов рад» на эту инициативу послы были готовы направить Б. М. Хмельницкому сообщение в соответствующем духе. Поскольку реакция делегации Речи Посполитой оказалась весьма скептической и в общем отрицательной, Б. А. Репнин «с товарищи» обсудили создавшуюся ситуацию «тайно» и внесли дополнения: если король и сенаторы дадут согласие на договор о вере согласно Зборовским постановлениям, послы тотчас запросят Б. М. Хмельницкого о выдвигаемых им условиях урегулирования на иные темы. Если от него последуют чрезмерные запросы («прихоти»), то они станут уговаривать гетмана пойти на уступки, «чтоб он кроме веры об иных статьях подался на волю королевского величества»¹⁷. Это был тот рубеж, до которого царское правительство готово было тогда пойти навстречу властям Речи Посполитой с целью избежать общего конфликта.

Оценивая изложенное, нельзя не признать справедливость претензий правительства Польско-Литовского государства относительно вмешательства царской дипломатии в его внутренние дела. Но, с учетом общей ситуации, предложения давали достаточный простор для дипломатического маневрирования. Ход переговоров во Львове в августе 1653 г. подробно освещен в монументальном труде М. С. Грушевского. Примечательнейшей их чертой стала абсолютная неуступчивость руководителей Речи Посполитой по большинству вопросов, в том числе украинскому, отказ от любых компромиссных вариантов. Единственное, на что они соглашались, это полная капитуляция казачества, совершенно нереалистическое в создавшейся обстановке желание возвратить положение, существовавшее до восстания. Чрезвычайно характерен в данном смысле и заключительный документ

(ответное письмо), врученный после длительных обсуждений с участием короля и виднейших сановников русским послам¹⁸. В нем содержались насквозь тенденциозные оценки причин и хода Освободительной войны, деятельности отдельных лиц, прежде всего Б. М. Хмельницкого, полностью отрицались какие-либо религиозные преследования и ограничение прав православных, фактически отвергались посреднические усилия царской дипломатии. Столь же негативным, хотя и более приемлемым по форме был ответ польско-литовской стороны на требования и претензии по поводу титулатуры.

Такая позиция объяснялась уверенностью в скором успехе военного решения споров вокруг Украины, в том числе с привлечением значительных контингентов поддержки из Дунайских и Трансильванского княжеств. Это явилось тяжелейшей по своим последствиям ошибкой, что выяснилось в ходе Жванецкого похода, вскоре было осознано в Польше и Великом княжестве Литовском, подчеркивалось и позже. Но время упустили, мирный шанс оказался окончательно потерянным, включение России в конфликт стало неизбежным, что подчеркнули и великие послы своей сознательно акцентированной политической демонстрацией в конце заседаний. Новая война стала неизбежной, а ее более далекие последствия стали необычайно кровавыми и тяжкими для всех участников.

¹ См., например: Документи Богдана Хмельницького 1648–1657. — К., 1961. — С. 276, 283–284, 292–296 и др.

² Материал на данную тему см. хотя бы: Чернов А. В. Строительство вооруженных сил Русского государства в XVII в. Автореф. дис. ... докт. ист. наук. — М., 1949; Лызлов Г. М. Польско-русские отношения в период освободительной войны украинского народа 1648–1654 гг. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — М., 1955.

³ РГАДА. — Ф. 79. Сношения с Польшей. 1653 г., д. 2, ч. 1; Лызлов Г. М. Указ. соч. — С. 302, 304, 338.

⁴ Воссоединение Украины с Россией: Документы и материалы в 3-х т. — Т. 3. — М., 1953. — С. 284, 308, 342, 343, 377; Документи Богдана Хмельницького. — С. 283–284 (о передатировке см.: Смолій В. А., Степанков В. С. Богдан Хмельницький: Соціально-політичний портрет. — Київ, 1993. — С. 322. Она не бесспорна).

⁵ О этой миссии см.: прим. 4; Воссоединение Украины с Россией. — Т. 3. — С. 239–240, 244–247, 268–269, 334, 342, 343, 410–411.

⁶ Документация посольства почти не сохранилась. См.: РГАДА. — Ф. 124. Малороссийские дела. 1652 г., д. 12, л. 19–21; Воссоединение Украины с Россией. — Т. 3. — С. 260, 262–263, 269–270, 304–305, 312, 334–335, 342, 343; Документи Богдана Хмельницького. — С. 281, 283–284, 286. Не прояснен до сих пор даже вопрос о его датировке. Есть прямые свидетельства, позволяющие считать, что оно находилось у гетмана уже в начале февраля 1653 г. Но в других источниках указано, что посланцы поехали из Москвы вместе с миссией С. Богдановича (такова была и обычная тактика), а она присутствовала там еще 8.ІІ.

⁷ Соответствующее сообщение направили Яну Казимиру, с одновременной гарантией соблюдения перемирия и просьбой не допускать его нарушений польско-литовскими войсками.

⁸ Мальцев А. Н. Россия и Белоруссия в середине XVII века. — М., 1974. — С. 22.

⁹ РГАДА. — Ф. 79, кн. 83, л. 338-об.-343.

¹⁰ Материал о миссии К. Бурляя — С. Мужиловского, сохранившийся далеко не полно. Воссоединение Украины с Россией. — Т. 3. — С. 261–267, 275, 277–287, 293–295, 297, 311–314, 410–411; Документы Богдана Хмельницкого. — С. 285–289.

¹¹ О последнем см.: Черепнин Л. В. Земские соборы Русского государства в XVI–XVII вв. — М., 1978. — С. 327–334.

¹² См. о ней: Воссоединение Украины с Россией. — Т. 3. — С. 279–280, 285–317.

¹³ Документацию посольства и литературу см., в частности: РГАДА. — Ф. 79, кн. 83, 84; 1653 г., д. 2, ч. 1, 2; Д. 3, 3а, 4; Воссоединение Украины с Россией. — Т. 3. — С. 267–275, 333–349; Грушевський М. Історія України-Руси. — Т. 9. — К., 1931. — С. 619–642, 1526–1536.

¹⁴ См.: РГАДА. — Ф. 79, 1653, д. 2, ч. 1, л. 267–268, 279, 283–285, 317.

¹⁵ Первую возможность называл и Б. М. Хмельницкий в конце июня 1653 г. См.: ДБХ. — С. 292–294.

¹⁶ См.: РГАДА. — Ф. 79, кн. 84, л. 366-об.-369.

¹⁷ См.: Там же. — Л. 416-об.-420.

¹⁸ См.: Там же. — Л. 580–648.